

УДК 81'44

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_4_39_46

Дашиева Соелма Цырен-Дашиевна ✉, Алексеева Инга Дмитриевна
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова»
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
soelma_d@mail.ru

Концепты «мать» и «отец» в призме бурятской, русской и китайской фразеологии

Аннотация

В статье рассматриваются концепты «Мать» и «Отец» в бурятской, русской и китайской фразеологии, составляющие базовый и наиболее культуросообразный фрагмент языковой картины мира, в котором зафиксирован духовно-нравственный опыт человека и нации в целом. Гендерный подход в изучении терминологии родства значительно обогащает и расширяет границы фразеологической единицы, содержащей в себе лексемы *мать* и *отец*, которые являются исходной точкой и ядром семейно-родственных отношений. Исследование института семьи представляется особенно актуальным для бурятской, русской и китайской лингвокультур, которые находятся в активном взаимодействии на территории Республики Бурятия. В результате анализа соответствующих фразеологизмов выявлены следующие черты, общие для трёх языков: 1) установка на авторитарную модель семьи с отцом – главой семьи; 2) ключевая роль концепта «Мать» с неразрывной физиологической связью с ребёнком, любовью, теплом и прощением. Уникальной чертой для бурятского языка является равнозначная репрезентация отца и матери, для русского – главенствующей роли матери, для китайского – абсолютной власти отца, особенно над сыном, и строгость матери. Выявление и понимание универсальных и уникальных особенностей менталитета тесно контактирующих этнических групп поможет осуществлению эффективной и грамотной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: бурятский язык, русский язык, китайский язык, фразеологическая картина мира, мать, отец

© Дашиева С. Ц-Д., Алексеева И. Д. 2021

Для цитирования: Дашиева С. Ц-Д., Алексеева И. Д. Концепты «мать» и «отец» в призме бурятской, русской и китайской фразеологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 39–46. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_39_46

Soelma Ts.-D. Dashieva ✉, Inga D. Alekseeva
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
soelma_d@mail.ru

Concepts “mother” and “father” in the prism of Buryat, Russian and Chinese phraseology

Abstract

The article examines the concepts “Mother” and “Father” in Buryat, Russian and Chinese phraseology, which constitute the basic and most culturally significant fragment of the linguistic picture of the world, which records the spiritual and moral experience of a person and the nation as a whole. The gender approach to the kinship terminology study significantly enriches and expands the phraseological unit boundaries containing the lexemes mother and father, which are the starting point and core of family-kinship relations. The study of the family institution seems to be especially relevant for the Buryat, Russian and Chinese linguistic cultures increasingly interacting on the territory of the Republic of Buryatia. The results of investigating the corresponding phraseological units enable to indicate the following features common for the three languages: 1) setting

authoritarian family model headed by father; 2) key role of concept “Mother” having unbreakable physiological ties with child, giving love, warmth and forgiveness. Unique features include equal representation of father and mother in Buryat, dominating role of mother in Russian, absolute power of father particularly over son and strictness of mother in Chinese. Identification and understanding the universal and unique mentality features of closely contacting ethnic groups will help implement effective and competent intercultural communication.

Keywords: Buryat language, Russian language, Chinese language, phraseological picture of the world, mother, father

© Dashieva S. Ts.-D., Alekseeva I. D. 2021

For citation: Dashieva, S. Ts.-D., Alekseeva, I. D. Kontsepty “mat” i “otets” v prizme buryatskoy, russkoy i kitayskoy frazeologii [Concepts “mother” and “father” in the prism of Buryat, Russian and Chinese phraseology]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 39–46. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_39_46

1. Введение [Introduction]

Отражение человека в языке – достаточно важное и актуальное явление не только в лингвистике, но и в смежных лингвистике науках, таких как социолингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика. Широкая трансляция антропоцентризма на всех уровнях лингвистических исследований диктует рассмотрение архетипического симбиоза «мужчина – женщина», как одного из культурно маркированных гендерных стереотипов.

Первоначально маскулинность и фемининность были зафиксированы ещё в мифологии как основная бинарная дихотомия, посредством которой интерпретировался весь мир – и славянские представления о Земле-матери и Небе-отце, и древнекитайская концепция Инь и Ян [Маслова, 2001, с. 121]. А. В. Кирилина под категорией «гендер» понимает социальную модель женщины и мужчины, определяющую их роль и положение, нормы поведения, касающиеся лиц мужского и женского пола в конкретно взятом социуме (семье, экономике, политике, культуре и т. д.) [Кирилина, 1999, с. 20]. Мы согласны с мнением А. Г. Фомина о том, что гендер – это «психолингвистическая категория, которая представляет собой многокомпонентную структуру, модель социальных отношений, созданную основными институтами общества и построенную самими индивидами в соответствии с их гендерной идентификацией, которая находится в языке и речи» [Фомин, 2003, с. 84]. Гендер выступает как совокупность биологической, психологической и социальной модели человека как представителя своего этноса, языка и культуры.

Социальная модель «Мать» – «Отец» является наиболее ярким фрагментом отдельно взятой этнокультуры и представляет большой интерес для познания материальной и духовной культуры и национального менталитета в целом, поскольку система родственных отношений отражает не только языковую, но и культурную картину мира. Изучение фразеологической картины мира в рамках данного концептуального поля, представляется особенно актуальной для осуществления эффективной межкультурной коммуникации на территории Республики Бурятия, где наблюдается активное смешение бурятской, русской и китайской лингвокультур. Особенно это важно для бурят как представителей немногочисленных народов, язык и национально-культурная идентичность которых находятся под угрозой исчезновения.

Фразеологизмы обладают сложной семантической структурой, где отражаются наиболее распространённые национальные стереотипы мышления, и, являясь «самым культурноносным компонентом языка в действии» [Телия, 2004, с. 19], дают нам возможность исследовать бурятские, русские и китайские фразеологические единицы с целью выявления универсальных и уникальных гендерных показателей столь разных язы-

ковых культур, где семейные отношения строятся по конкретному историческому и культурно обусловленному сценарию.

Фразеологизмы бурятского (37), русского (86) и китайского (42) языков (всего 165 единиц), которые явились материалом исследования, были отобраны методом сплошной выборки из фразеологических и толковых словарей. В работе был использован описательно-сопоставительный метод, позволяющий выявить национально-культурную специфику фразеологизмов, а также лингвокультурологический анализ для извлечения и интерпретирования культурной информации.

2. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов с компонентом «Мать» и «Отец» бурятского, русского и китайского языков [Linguocultural analysis of phraseological units with the components “mother” and “father” in Buryat, Russian and Chinese]

Концепты «Мать» и «Отец» являются базовыми в системе родственно-семейных отношений. «Родные человека – это люди, связанные с ним узами, которые нельзя разорвать, и ценимые, и нежно любимые им как неотъемлемая часть его жизни и его идентичности, люди, к которым он в некотором смысле “прикреплён” как экзистенциально, так и эмоционально» [Вежбицкая, 2001, с. 142].

Фундаментальной и общекультурной константой является концепт «Мать». Мать, являясь исходной точкой человеческого бытия несёт в себе символическую, сакральную информацию о традициях, обычаях, стереотипах, связанных с детьми и их воспитанием. В гендерной лингвистике подчёркивается, что материнство, деторождение и воспитание являются одними из наиболее выделенных областей в женской картине мира [Кирилина, 1999]. Несомненно, в любой лингвокультуре мать ассоциируется прежде всего с эмоциональным теплом и безусловной любовью к детям, заботой и добротой: бур: *эхын жаргал үхибуудтээ* 'счастье матери в детях'; *эжытэй хүн эльгэ дүүрэн* букв. 'у кого есть мама – печень полна'. Соматизмы *печень* и *сердце* в бурятских фразеологизмах выступают как трансляторы чувств и некая эмоциональная сфера внутренних переживаний, часто соотносящаяся со значением 'душа'. Сакральное значение имеет и материнское тело, которое может исцелить ребёнка. Если заболевшего ребенка раздеть догола и прижать к материнской груди, то его болезнь переходит в тело матери [Дондокова, 2002, с. 60].

Мать в семье пользовалась большим уважением и почётом со стороны детей. Непослушание, неуважительное или грубое отношение к матери считалось совершенно недопустимым. Дети-подростки были первыми её помощниками. Взрослые дети окружали мать теплом и вниманием, предоставляя ей полное право по своему усмотрению распоряжаться дома [Басаева, 1991, с. 49]. Стоит отметить, что у монголоязычных народов во многих фразеологизмах упоминаются и мать, и отец вместе: *эхэ хүн эльгэнһээ, эсэгэ хүн зүрхэнһөө* букв. 'мать к детям от (печени) души, а отец – от сердца'; *эхэ эсэгэ хоёр – наран һара хоёр* 'мать и отец – солнце и луна'. Об исключительной важности матери и отца в жизни каждого человека гласит следующая монгольская поговорка: *ах нар олон боловч аавтай адилгүй, эгч нар олон боловч ээжтэй адилгүй* букв. 'хотя у тебя много братьев, они не заменят отца, хотя у тебя много сестер, они не заменят мать'.

Слова великого бурят-монгольского учёного Цыбена Жамцарано ещё раз демонстрируют значимость обоих родителей:

абайни үгүһэн юумэ,

алта мунгун болог,

эжшин үгүһэн юумэ

эрдэни шандамани болог!

отцом твоим данная вещь

золотом, серебром пусть будет,

матерью данная вещь

драгоценностью, сокровищем пусть станет!

В то же время в русской картине мира акцентируется первостепенность матери: *без отца – полсироты, а без матери и вся сирота; отцов много, а мать одна; одна у человека родная мать, одна у него и Родина; лучшие матери друга не същещишь; вдовец – деткам не отец, а сам круглый сирота*. Значимость матери выше значимости отца, и это объясняется тем, что мать в культуре любого народа – доминирующий образ, поскольку мама – это первый человек, которого видит и чувствует ребёнок, с ней связаны первые телесно-эмоциональные контакты, которые ассоциируются у ребёнка с добром, лаской и нежностью. При тесном общении с ней к ребёнку приходит «первое осознание себя как личности, своего места в семье, а позже в обществе» [Литус, 2019, с. 190].

Душевный и физический комфорт, который испытывает ребёнок рядом с матерью ярко демонстрируют следующие фразеологизмы: *при солнце тепло, а при матери добро; материнская ласка конца не знает; сердце матери греет лучше солнца; у кого есть матка, у того и голова гладка*.

Сила материнской любви может спасти от неминуемой смерти, а проклятие имеет разрушительную силу: *материнская молитва со дна моря достанет; материнское благословение на воде не тонет, в огне не горит; если мать хорошее пожелает – жизнь счастливой будет, проклянёт – всё прахом пойдёт*.

Немало примеров о сходстве матери и ребёнка, а также о результатах правильного и неправильного воспитания: *какая мать, такая и дочь; конь родится от кобылицы, богатырь – от матери; у хорошей матери и дети хорошие; добрая мать добру и учит*.

Образ китайской матери включает в себя не только безмерную любовь, заботу и самоотверженность, но и строгость и настойчивость в воспитании детей: 舐犊情深 'ласковая, как корова, облизывающая своего телёнка' о матери, которая безумно любит своих детей; 掌上明珠 'жемчужина на ладони' о горячо любимом ребёнке, особенно дочери; 母亲的心是太阳变暖 'материнское сердце как солнечное тепло'; 妈妈是最伟大的老师, 一个充满慈爱和富于无畏精神的老师 'мама – великий учитель, сердце которого наполнено любовью и бесстрашием'. Мать может и ударить ребёнка для его же блага: 妈妈打儿子 – 心上有数 'если мать поднимает руку на ребёнка, значит так нужно'. Слава сына возвеличивает мать или мать стала высокопоставленной (знатной) благодаря положению сына: 母以子贵 'мать стала благородной успехами сына'; выражение 画荻丸熊 'материнская наука' используется, чтобы выразить восхищение или одобрение матери, знающей толк в воспитании детей. В основе этого фразеологизма лежит притча о матери Оуян Сю (государственный деятель, поэт), которая учила его, чертя камышом знаки на земле [БКРС, 2021].

Трудно переоценить степень важности отца в семье. Отец становится для ребёнка путеводителем в жизнь, в социум. Влияние отца представляется наиболее важным для мальчиков, поскольку именно отец формирует в сыне маскулинное самосознание, указывает ему первые жизненные ориентиры, помогает ребёнку усвоить правильные социальные стандарты. Совершенно верно отметил Б. Э. Петри, что влияние умного отца имело глубокое воспитательное значение для мальчика [Петри, 1925, с. 6]. Достойным членом общества он мог стать благодаря мудрым наставлениям отца: бур. *хүбүүдые хургажа, эсэгэ болодог, хүлхөө гаргажа хүн болодог* букв. 'воспитав детей, становятся отцом, вспотев от труда, становятся человеком'; *эсэгийн нэрээр хубууень сэгнэхэ* букв. 'именем отца ценят и сына'; *эсэгийн хургаагуй хубууе хамаг зон хургаха* букв. 'сын, которого отец не научит, весь народ проучит'; *гарынь ганзагада, хүлынь дүрөөдэ хүргэхэ* 'поставить на ноги, вывести в люди', букв. 'руки до тороков, ноги до стремян довести', т. е. подготовить сына к самостоятельной взрослой жизни.

Являясь главой семейства, «отец считался полным и единоличным хозяином всего состояния. Это определяло и его положение в семье. Он имел право распоряжаться судьбой своих дочерей до их замужества, после чего они попадали под власть мужа, и держать в повиновении сыновей до их “полной зрелости”» [Басаева, 1980, с. 43].

Проявление неуважения и непочтительности, неповиновение и пренебрежение наказаниями отца, равно как и матери, расценивалось как большой грех: *эсэгэ хүүе гомойлгоо ло болоо хада – хүмэр уула шэргэхэ юм гэхүй дуулаа нам. Эхэ хүүе гомойлгоо болходоо – хүн далай ширгэхэл гэхүй дуулаа нам* – 'Если обидеть отца, рухнет Сумэр-гора, если обидеть мать, высохнет Молочное море' [Абай Гэсэр Могучий, 1995, с. 216]. Как мы можем наблюдать, в текстах устного народного творчества очень ярко отражается этнический менталитет, культурное и социальное самосознание народа.

Мы можем судить о значительном сходстве статуса отца в бурятской и русской культурах, где он предстаёт путеводителем в социальный мир, прививая ребёнку определённые критерии приемлемости: *не тот отец, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил; отец наказывает, отец и хвалит; отец сына не на худо учит; для дитяти отец всегда сильнее всех*.

Основными признаками, которые входят в концептосферу «Отец», являются глава семьи, авторитет, кормилец. Отец как образец настоящего мужчины оказывает большое влияние на становление личности и формирование мужских черт.

В средневековой Руси большое внимание уделялось физическому, нравственному и религиозному развитию, но о воспитании дочерей и сыновей говорится отдельно, что свидетельствует о разных подходах к формированию половой идентичности мальчиков и девочек, при этом подчёркивается отсутствие эмоциональности при воспитании сына. Однако телесное наказание ребёнка было одним из частых способов воспитания. На Руси наказание детей воспринималось как благо. Считалось, что ребёнка били и держали в строгости из любви к нему: *наказывай детей в юности, успокоят тебя в старости; без строгости и щенка не вырастишь; пусти детей по воле, сам будешь в неволе; кого журят, того и любят*.

Воспитывать мальчиков полагалось как будущих продолжателей рода и кормильцев, которым надлежит обеспечивать семью и престарелых родителей: *муж дому строитель, нищете отгонитель; любишь жену, люби и детей кормить; без хозяина двор и сир и вдов; умный сын – отцу замена, а глупый – не в помощь; не оставляй отца-матери на старости лет; кто родителей почитает, тот во веки не погибает; дети родителям не судьбы; живы родители – почитай, померли – поминай*.

Обязанности духовного и нравственного наставничества не снимались с отца и после достижения сыном совершеннолетия. Исходя из этого, мы можем утверждать, что в многообразии социальных ролей мужчины, одной из главных является его роль отца-воспитателя. И о том, какой он отец, обычно судят по поступкам сына: *слава сына – отцу отрада; из-за плохого сына бранят и отца; отец богатый, да сын неудатный; что батюшка лопаточкой сгребал, то сынок тросточкою расшвырял; сын запоёт – и отец не уймёт; дал Бог отца, что и родного сына не слушается; в глупом сыне и отец не волен; глупому сыну не в помощь наследство (не впрок наследство); глупому сыну и родной отец ума не пришьёт; блудный сын – ранняя могила отцу*.

Отношения отцов и детей заметно отличаются в зависимости от национального, культурного, классового типа семьи. Роль наказания, особенно физического, значительно выше в русских и китайских семьях: 棍棒底下出孝子 'из-под розг вырастают почтительные дети'; 父严子孝 'отец строгий – сын почтительный'; 溺爱孩子等于害子, 棍棒底下出孝子 'баловать сына – все равно, что погубить его: только из-под палки выходят почтительные дети'. Считалось, что плохо воспитанный ребёнок станет недостойным членом общества, чем может опозорить отца, семью. Отец мог наказать даже взрослого сына, у которого есть дети.

Порка нерадивых учеников в Китае и вообще детей в семье были в порядке вещей. Существовал даже обычай, по которому ученик, придя впервые в школу, преподносил учителю завернутую в красную подарочную бумагу палку [Малявин, 2000, с. 551].

Функционирование семьи и основа воспитания детей в Китае сконцентрированы на нормах конфуцианской морали «сыновней почтительности», т. е. внушения детям с младенчества беспрекословного повиновения и подражания отцу. Конфуцианские нормы поведения на первое место выдвигают уважение к старшему, преклонение перед его авторитетом и подчинение ему. В свою очередь старший покровительствует младшему, учит его и помогает ему в жизни.

Воспитание сына представляется как возвращение дракона – одного из самых могущественных зооморфных образов в китайской мифологии: 望子成龙 'ожидать, что твой сын станет драконом', т. е. возлагать большие надежды на сына, верить в его способности и талант; 父望子成龙, 子望父升天 'отец желает, чтобы сын стал драконом, сын желает, чтобы отец воспарил к небесам'; 龙生龙 'у дракона рождается дракон' в значении, что у хорошего отца и сын хороший. Отец несёт большую ответственность за сына: 子不教, 父之过 'отец отвечает за низкий уровень образования сына'; 爹不识耕田, 子不识谷种 'отец не умеет пахать – сын не умеет сеять'.

Следует заметить, что заветным желанием отца было женить сына и увидеть внуков, поскольку это давало надежду на достойную старость, заботу и уход: 人养子女防老年, 树留根芽待来春 'человек растит детей, чтобы обеспечить старость, дерево пускает побеги, чтобы пришла весна'; 人留子孙草留根 'человек оставляет после себя детей и внуков так же, как трава пускает корни'; 养儿防老, 积谷防饥 'вырастить ребёнка, чтобы обеспечить себе старость, запастись зерном на случай голода'.

Почтительность к старшему поколению и забота о нём считались началом всех добродетелей. Китайские нравы не допускали неповиновения и проявления агрессии по отношению к родителям: 永言孝恩, 天经地义 'никогда не забывай почитать и благодарить родителей – это закон неба и принцип земли'; 生前不 给父母吃, 何必死后去祭坟 'если не почитали и не кормили живых родителей, то не почитают их и мёртвых'. Хотя, в соответствии с моральными нормами, дети должны были проявлять высокую степень уважения в равной мере как к отцу, так и к матери, однако вся китайская нравственность основывалась на естественной власти отца и безропотном повиновении сына [Дашиева, 2011, с. 83].

Тем самым, культ предков приобретает всеобъемлющее социальное значение: добродетельный сын – от простолюдина до императора – посвящает свою жизнь служению родителям при их жизни и после смерти. Это является залогом социального порядка в государстве, объединяющем отдельные семьи в единую огромную семью. Преданный сын – верный подданный государства. Так конфуцианство преобразовало религиозный культ в социальную доктрину, придав ей универсальное значение и государственный статус.

3. Заключение [Conclusion]

Рассмотренные в данной статье концепты «Мать» и «Отец», составляющие базу семейно-родственных отношений, представляют большой интерес для исследования, поскольку стереотипы и нормы поведения, зафиксированные в языковой картине мира, несут в себе этномаркированную информацию о человеке и нации в целом.

Изученный материал даёт основание утверждать, что во всех трёх разносистемных языках концепт «Мать» занимает ключевую позицию. Это самый близкий и дорогой человек для ребёнка, готовый на любые жертвы, способный силой своей любви оградить своё дитя от бед и несчастий. Что бы ни случилось, мать поймёт и простит своих детей. Как мы можем наблюдать из вышеприведённых примеров, доминантная роль матери в жизни ребёнка обусловлена неразрывной физиологической связью, которая возникает уже во время беременности и вскармливания.

Наличие соматизмов также можно отнести к панкультурному признаку. Это объясняется тем, что соматизмы являются древнейшим пластом фразеологии, содержат в

себе символическую информацию. Например, *сердце*, *бур. печень* несут в себе метафору чувств, переживаний, *руки* символизируют защиту, тепло.

В китайской лингвокультуре мать может быть строгой, требовательной, а в некоторой степени и фанатичной. По мнению многих китайских матерей, жёсткое воспитание является залогом успешного будущего ребенка, а в глобальном смысле – основой развития и процветания Поднебесной.

В ходе исследования выявлено, что для всех лингвокультур характерна авторитарная модель семьи, где главой, как правило, считается мужчина. Помимо важной обязанности кормильца и содержателя семьи, мужчина положительно коннотируется в роли отца-воспитателя, что можно отнести к универсальному признаку. В бурятской картине мира отец и мать представлены равнозначно, нет явного доминирующего образа, тогда как в русской картине мира, несмотря на сильное влияние отца, его роль всё же второстепенна после матери. Несмотря на то, что в языковой картине мира монголоязычных народов мать и отец репрезентированы равнозначно, тем не менее, отец является главным в семейной иерархии, и его мнение неоспоримо. Мы можем наблюдать совпадение патриархальных установок в институте семьи бурят и китайцев, где воспитание детей основано на абсолютной власти отца и безропотном повиновении сына. Главным условием сыновней почтительности в Китае является послушание, которое составляет основу китайского менталитета.

Следует отметить, что фразеологизмы, содержащие уникальные признаки, являются трансляторами национальной идентичности: *тороки*, стремени маркируют бурят-кочевников, а дракон – это главный тотем китайцев, которому поклоняются и по сей день. Концептуальные образы, изученные в данной статье, отражают менталитет трёх тесно контактирующих лингвокультур. Каждая культура имеет свои этноспецифические маркеры, зафиксированные в языке, понимание которых поможет реализации грамотной и продуктивной межкультурной коммуникации.

Библиографический список

- Абай Гэсэр Могучий, 1995 – Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос. М. : Восточная литература, 1995. 526 с.
- Басаева, 1980 – Басаева К. Д. Семья и брак у бурят: вторая половина XIX в. – начало XX в.. Новосибирск : Наука, 1980. 223 с.
- Басаева, 1991 – Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Вторая половина XIX – начало XX века. 2-е изд., испр. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1991. 192 с.
- БКРС, 2021 – Большой китайско-русский словарь. URL : <https://bkrs.info/> (дата обращения : 28.04.2021).
- Вежбицкая, 2001 – Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
- Дашиева, 2011 – Дашиева С. Ц-Д. Фразеологическая вербализация гендера: лингвокультурологический аспект (на материале бурятского, монгольского, русского и китайского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Дашиева Соелма Цырен-Дашиевна ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2011. 172 с.
- Дондокова, 2002 – Дондокова Л. Ю. Положение женщины в бурятском обществе (вторая половина XIX – начало XX в.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Дондокова Людмила Юрьевна ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2002. 190 с.
- Кирилина, 1999 – Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 1999. 180 с.
- Литус, 2019 – Литус Е. В. Лексема «мать» в контрастивном словаре народных песен казаков Кубани (опыт составления словарной статьи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 188–193. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.40>
- Малявин, 2000 – Малявин В. В. Китайская цивилизация. М. : Астрель ; АСТ ; Дизайн. Информатика. Картография, 2000. 632 с.

- Маслова, 2001 – Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. М. : Академия, 2001. 208 с.
- Петри, 1925 – Петри Б. Э. Внутриродовые отношения северных бурят // Изв. Биол.-геогр. науч. исслед. ин-та при ИГУ. Т. 2. Вып. 1. Иркутск, 1925. 71 с.
- Телия, 2004 – Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 19–30.
- Фомин, 2003 – Фомин А. Г. Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности. М. ; Кемерово : Кузбассвузиздат, 2003. 236 с.

References

- Abay Geser Moguchiy. (1995). *Buryatskiy geroicheskiy epos* [Buryat heroic epic]. Moscow : Vostochnaya literatura Press. (In Russ.).
- Basaeva, K. D. (1980). *Sem'ya i brak u buryat: vtoraya polovina XIX v. – nachalo XX v.* [Family and marriage for the Buryat: Second half of the 19th – beginning of 20th century]. Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).
- Basaeva, K. D. (1991). *Sem'ya i brak u buryat: vtoraya polovina XIX v. – nachalo XX v.* [Family and marriage for the Buryat: Second half of the 19th – beginning of 20th century]. 2nd edition with corrections. Ulan-Ude : Buryat knizhnoe Press. (In Russ.).
- Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar' [Big Chinese-Russian dictionary] (BKRS). Retrieved April 28, 2021 from <<https://bkrs.info/>>. (In Russ.).
- Wierzbicka, A. (2001). *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through their key words]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Dashieva, S.C-D. (2011). *Frazeologicheskaya verbalizatsiya gendera: lingvokul'turologicheskii aspekt (na materiale buryatskogo, mongol'skogo, russkogo i kitayskogo yazykov)* [Phraseological verbalization of gender: Linguistic and cultural aspects (Based on Buryat, Mongolian, Russian and Chinese)]: PhD in Philological sci. diss. Ulan-Ude : Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies. (In Russ.).
- Dondokova, L. Yu. (2002). *Polozhenie zhenshchiny v buryatskom obshchestve (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Woman position in Buryat society (Second half of the 19th – beginning of 20th century)]: PhD in Historical sci. diss. Ulan-Ude : Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies. (In Russ.).
- Kirilina, A. V. (1999). *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: Linguistic aspects]. Moscow : Institute of Sociology RAS Press. (In Russ.).
- Litus, E. V. (2019). Leksema «mat'» v kontrastivnom slovare narodnykh pesen kazakov Kubani (opyt sostavleniya slovarnoy stat'i) [Lexeme mother in contrastive dictionary of the Kuban Cossacks' folk songs (Attempt of compiling a dictionary entry)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 12 (2), 188–193. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.40> (In Russ.).
- Malyavin, V. V. (2000). *Kitayskaya tsivilizatsiya* [Chinese civilization]. Moscow : Astrel' Press. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologiya* [Linguistic and cultural studies]: A coursebook. Moscow : Akademiya Press. (In Russ.).
- Petri, B. E. (1925). *Vnutrirodovye otnosheniya severnykh buryat* [Inner-tribe relations of the Northern Buryat]. *Izv. Biol.-geogr. nauch. issled. in-ta pri IGU* [Izvestiya of the Institute for Biology and Geography Studies at Irkutsk State University] (Vol. 2, Iss. 1). Irkutsk. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (2004). *Kul'turno-yazykovaya kompetentsiya: ee vysokaya veroyatnost' i glubokaya sokrovennost' v edinicakh frazeologicheskogo sostava yazyka* [Cultural and linguistic competence: Its probability and deep sacredness expressed in phraseological units of the language]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Fomin, A. G. (2003). *Psikholingvisticheskaya kontseptsiya modelirovaniya gendernoy yazykovoy lichnosti* [Psycholinguistic concept of gender linguistic personality]. Moscow ; Кемерово : Kuzbassvuzizdat Press. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.05.2021; одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 05.11.2021.

The article was submitted 26.05.2021; approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 05.11.2021.